

Гендерные измерения современного религиозного фундаментализма

Д. А. Головушкин

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Тема гендерного измерения и гендерной политики современного религиозного фундаментализма в отечественной гуманитаристике остается малопроясненной. Более того, практически отсутствуют работы, в которых гендерная проблематика религиозного фундаментализма рассматривается исходя из анализа его связей с современной политикой и экономикой, что невольно наводит на мысль, не является ли это сознательным избеганием системного понимания гендера.

Содержание. В статье раскрываются причины актуализации гендерной проблематики в религиозном фундаментализме. Предлагается определение религиозного фундаментализма в его гендерном измерении. Рассматриваются основные векторы и специфика гендерной политики современного религиозного фундаментализма в условиях системной модернизации и трансформации межличностных отношений. Делается акцент на выраженной связи гендера и религиозного фундаментализма в общественной сфере. Отмечается, что гендерные проекты религиозного фундаментализма через дискурсы «традиционной семьи» и «традиционной сексуальной морали» транслируют структурные альтернативы идеологии и практике нелиберализма, и продвигают курс на возрождение патриархальных иерархических структур, порядка в политике, экономике и социальном устройстве.

Выводы. В гендерном измерении религиозный фундаментализм является протестной реакцией на структурную перестройку традиционных обществ, вызванную западным нелиберализмом. Поскольку его представление о легитимном и моральном порядке связано с патриархальными структурными принципами и патерналистскими ценностями, то в центре его критики в первую очередь оказываются индивидуальная сексуальная мораль, рациональная бюрократизация и деперсонализация. В результате в своём гендерном измерении современный религиозный фундаментализм раскрывается в качестве идеологии «морального порядка» мужчин и принимает форму «неопатриархии».

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, гендер, традиция, модернизация, нелиберализм, деперсонализация, индивидуализм, сексуальная мораль, «моральный порядок» мужчин, неопатриархия.

Благодарности: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 85ВГ).

Для цитирования: Головушкин Д. А. Гендерные измерения современного религиозного фундаментализма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025 – № 3. – С. 181–193. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_181. EDN: GSVRLT

Gender Dimensions of Contemporary Religious Fundamentalism

Dmitrii A. Golovushkin

*The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Introduction. The topic of the gender dimension and gender policy of modern religious fundamentalism in Russian humanities remains poorly clarified. Moreover, there are practically no works in which the gender issues of religious fundamentalism are considered based on the analysis of its connections with modern politics and economics, which involuntarily suggests the idea of whether this is a conscious avoidance of a systemic understanding of gender.

Content. The article reveals the reasons for the actualization of gender issues in religious fundamentalism. A definition of religious fundamentalism in its gender dimension is proposed. The main vectors and specifics of the gender policy of religious fundamentalism in the context of systemic modernization and transformation of interpersonal relations are considered. The emphasis is on the pronounced connection between gender and religious fundamentalism in the public sphere. It is noted that the gender projects of religious fundamentalism through the discourses of the “traditional family” and “traditional sexual morality” broadcast structural alternatives to the ideology and practice of neoliberalism, and promote a course towards the revival of patriarchal hierarchical structures and order in politics, economics and social structure.

Conclusions. In the gender dimension, religious fundamentalism is a protest reaction to the structural restructuring of traditional societies caused by Western neoliberalism. Since his idea of a legitimate and moral order is linked to patriarchal structural principles and paternalistic values, the focus of his criticism is primarily on individual sexual morality, rational bureaucratization and depersonalization. As a result, in its gender dimension, modern religious fundamentalism is revealed as an ideology of the “moral order” of men and takes the form of “neopatriarchy”.

Key words: religious fundamentalism, gender, tradition, modernization, neoliberalism, depersonalization, individualism, sexual morality, “moral order” of men, neopatriarchy.

Acknowledgements: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 85VG).

For citation: Golovushkin, D. A. (2025) Gendernye izmereniya sovremennogo religioznogo fundamentalizma [Gender Dimensions of Contemporary Religious Fundamentalism]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 181–193. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_181. EDN: GSVRLT

Введение

Тема гендерного измерения и гендерной политики современного религиозного фундаментализма в отечественной гуманитаристике остается малопроясненной. Впрочем, «фундаментальная неясность» гендерной проблематики религиозного фундаментализма присутствует / заметна и в англоязычной литературе. Как справедливо заметил Л. А. Киркпатрик, в дискурсе фундаментализма на первый план всегда выходят многочисленные «предубеждения» и «стереотипы» и только потом говорится о фундаментализме как о важном предикторе «водоразделов» и перемен [13, р. 624–625]. В этом контексте гендерная проблематика религиозного фундаментализма является наиболее подверженной «предубеждениям» и «стереотипам». Неслучайно авторы концепции социального конструирования гендера К. Уэст и Д. Зиммерман акцентировали внимание на том, что сегодня он сознательно отделяется от социального взаимодействия, чем «затушевывается воздействие гендера на широкий диапазон видов человеческой деятельности» [7, с. 100–101]. И действительно, если мы посмотрим современную литературу, посвященную гендеру и фундаментализму, то в ней заметно доминирует тема «маргинализации и стигматизации геев, лесбиянок и ЛГБТ¹» [12], феминистический / антифеминистический дискурс и дискурс гендерной справедливости [19]. Практически отсутствуют работы, в которых гендерная проблематика религиозного фундаментализма рассматривается исходя из анализа его связей с современной политикой и экономикой, что невольно наводит на мысль, не является ли это сознательным избеганием системного понимания гендера.

Фундаментализм как идеология «морального порядка» мужчин

Уже на заре своего становления за фундаментализмом прочно закрепилась репутация защитника семьи и традиционных семейных ценностей. При этом под «традиционными семенными ценностями» он прежде всего понимает «моральный порядок» в семье и вокруг семьи, «который приведет ее в соответствие с божественной целью и позволит установить

¹ Организация признана экстремистской на территории РФ.

социальный порядок, при котором жизнь можно прожить нравственно, осмысленно и в согласии с божественной волей» [14, р. 39]. Поэтому как считает австралийская монахиня и лидер Доминиканского ордена сестёр Восточной Австралии и Соломоновых Островов П. Мэдиган, именно категория «моральный порядок», является ключом к пониманию гендерной проблематики современного религиозного фундаментализма и целей его гендерной политики [14, р. 2]. Фундаментализм и фундаменталисты стремятся не просто выступать защитниками «морального порядка» в семье и вокруг семьи, а иметь на него монополию исключительно в понимании мужчин. Поэтому «моральный порядок» в первую очередь должен выступать регулятором женского сексуального поведения в обществе, так как женская сексуальность является главным символом морально развращенной и порочной природы современности: «Самая зловещая и угрожающая фигура нашей современной жизни – это курящая сигареты, пьющая коктейли, ухаживающая за мопсами, полуодетая, раскрашенная женщина, которая часто ходит в театры, хихикает в кабаре, играет в азартные игры в наших гостиных или сидит в наших отелях» [18, р. 49].

В результате, как доказало сравнительное исследование протестантского фундаментализма в США в 1910–1928 гг. и шиитского фундаментализма в Иране в 1961–1979 гг., проведенное немецким социологом М. Риезбродтом, оборонительный характер фундаментализма по отношению к ценностям современности, несмотря на его сильное желание использовать технологии западного модерна, неизбежно приводит фундаменталистов к разнообразным вариантам патриархальных форм общественной жизни и сексуальной морали. По мнению ученого, не только в вопросах семьи, но прежде всего в отношении организационных принципов социальных отношений и морально-этической регуляции жизненного поведения в обществе, «современный фундаментализм правильнее всего охарактеризовать как патриархальное протестное движение» [15, р. 206].

С этим выводом согласен и другой, не менее известный исследователь фундаментализма М. Рутвен, определяющий его качестве разновидности «неопатриархии». Ученый считает, что сегодня «фундаменталистская озабоченность сохранением

семьи, как социальной ячейки и носителя традиционных ценностей, уступила место невротической одержимости женским сексуальным поведением в социуме» [16, р. 121].

Таким образом, *в гендерном измерении, о религиозном фундаментализме можно говорить как об идеологии «морального порядка» мужчин, которая стремится установить во всех сферах общественной жизни жесткие половые разграничения и правила, претендуя на статус ортопраксии.*

Фундаменталистская неопатриархия как ответ на новую экономическую реальность

М. Риезбротт понимает навязчивую озабоченность сексуальностью и сексуальным поведением, общую для американского и иранского фундаментализма, в качестве реакции на структурные преобразования, вызванные развитием неолиберальной экономики, в частности перемещением сельских жителей в города, угасанием т. н. «традиционного делового сектора», поглощением транснациональными корпорациями малых предприятий, построенных на основе патерналистских принципов, и наконец экономической безнравственностью и социальной несправедливостью самого неолиберализма: «Не материальные интересы, а моральные последствия изменений в экономической структуре и хозяйственной этике были на первом плане фундаменталистской мобилизации. ... В экономической сфере происходит маргинализация патриархально организованных предприятий. С расширением масштабов деятельности патриархальные отношения между предпринимателем и работником все больше заменяются обезличенными и кодифицированными отношениями между капиталом и трудом. Семейное предприятие с несколькими работниками сталкивается, во-первых, с конкуренцией со стороны крупного бизнеса и, во-вторых, с постепенной эрозией практически неограниченной власти предпринимателя как «хозяина дома». В связи с вновь возникшей конкурентной средой защита патриархальных экономических структур традиционными бизнесменами приобретает неявный характер защиты рыночных возможностей, потому что эта проблема формулируется в первую очередь как моральная, а не как экономическая» [15, pp. 195–196].

Параллельно эти процессы сопровождается растущим вовлечением женщин в наемный труд вне дома, благодаря чему они получают доступ к заработной плате и более высоким личным доходам. Это приводит к тому, что разница между мужскими и женскими гендерными ролями уменьшается, а значит мужчины начинают подпадать под власть «морального порядка» гендерного равенства. Для большинства из них эта новая мораль остаётся неприемлемой, так как она означает «крах социального порядка». По мнению старшего научного сотрудника Международной организации труда Ш. Верик, именно в этой ситуации «еще тут» – в традиции, но «уже там» – в посттрадиционном обществе, в которой оказались многие мужчины, и нужно искать истоки современной фундаменталистской «неопатриархии»: «Хотя мужчины могут желать, чтобы их жены работали, чтобы увеличить семейный доход и возможности для своих детей, они не хотят терять традиционные формы власти, которыми они обладали ранее в этом процессе» [20, р. 8].

Это важное наблюдение, сделанное Ш. Верик, позволяет понять специфику и двойственность гендерной политики современного религиозного фундаментализма. С одной стороны, сопротивляясь гендерным аспектам модернизации, которые угрожают традиционным гендерным структурам, фундаменталистские движения пытаются осуществлять социальные программы, направленные на перестройку семьи в соответствии с идеологией и практикой «морального порядка» мужчин. С другой стороны, экономическая реальность вынуждает фундаменталистские круги учитывать многие вызовы современности, особенно фактор растущей бедности [11]. В результате то, что фундаменталисты не могут предотвратить посредством структурных преобразований, они пытаются навязать символически. Как отмечает М. Риезбродт, «учитывая растущую профессиональную занятость женщин, большую плотность населения и анонимность больших городов, даже фундаменталисты не в состоянии последовательно проводить строгое разделение полов. Однако именно это заставляет их активизировать усилия по контролю над женской сексуальностью на публике. Попытка компенсировать потерю физической сегрегации полов осуществляется за счет большей символической сегрегации. Это приводит

к акцентированию и символической перегрузке таких культурных особенностей, как употребление алкоголя и женская одежда, которые в традиционных условиях повседневной жизни имели гораздо меньшее символическое значение» [15, р. 204]. Другими словами, современный религиозный фундаментализм не оставляет попыток интерполяции переживаний перемен и потерь через политику жестких гендерных ограничений. Однако из-за неспособности предотвратить идущие структурные преобразования, современный религиозный фундаментализм все чаще и чаще сводит свою гендерную политику к политике символического запрещения патриархального упадка. При этом поведение, форма одежды и сексуальность женщин становятся главными маркерами «хорошего / плохого общества».

Хотя современный фундаментализм и продвигает неопатриархальную повестку, он является весьма привлекательным для женщин, и именно женщины являются одними из ревностных сторонников гендерной политики современного религиозного фундаментализма. Одним из объяснений поддержки женщинами контроля над их сексуальностью является гипотеза о т. н. «компромиссе» между сексуальным регулированием и экономической безопасностью. По сути, неравенство в доходах мужчин и женщин означает, что женщина действительно может иметь социальные и политические достижения только когда ее поддерживают мужчины. В этом плане фундаменталистские ценности, сосредоточенные на домашнем хозяйстве, с одной стороны, имеют элемент экономического реализма – они могут быть истолкованы как узаконивание и санкционирование «неизбежности». С другой стороны, фундаменталистский дискурс создает своего рода «санитарный кордон», который открывает «проверенным» женщинам доступ к «социальному контракту» [10, р. 31]. По мнению М. Рутвена, благодаря такой стратегии формального признания первенства мужчин, христианские женщины-фундаменталистки «могут и действительно обладают значительной властью в религиозных институтах, к которым они присоединяются» [16, р. 125]. В результате фундаментализм может стать переходным этапом на пути женщины от домашнего хозяйства к участию в бизнесе и в политике.

Фундаменталистская неопатриархия как альтернатива «веберовскому проекту»

Согласно концепции модернизации М. Вебера, процессы современной индустриализации неизбежно оборачиваются деперсонализацией и растущей рациональной бюрократизацией. Это выражается в том, что в политике бюрократия становится все более могущественной и оттесняет на второй план паттерн (великие символы «корона и меч» утрачивают свое значение). В социальной сфере патриархальная благотворительность в сочетании с социальным контролем замещается бюрократически организованным социальным обеспечением. В системе образования государственная бюрократия вмешивается в организацию и учебные программы школ. Наконец, в религиях и в религиозных институтах харизма «истинная» уступает место харизме «рутинизированной» или «ослабленной» (Э. Шилз). В результате, как отмечает М. Рутвен, «в церквях, где пасторы становились “церковными управляющими”, где доминировали либералы, где из семинарий исходила “научная” библейская критика, иерархическая власть была подорвана. Духовенство становится просто религиозным экспертом, молчаливо отказываясь от своих притязаний на то, чтобы быть исключительными распространителями истины» [17, р. 6].

Деперсонализация и рациональная бюрократизация приносят с собой и новый моральный порядок – порядок индивидуализма и равенства. Это значит, что рушатся «священный порядок» в истории, так как на протяжении её большей части «режимы взаимной дополняемости сочетались с большей или меньшей степенью иерархичности» [6, с. 38] и сама «священная история», которая создавалась мужчинами: «Один из величайших мифологических образов – спасение Энеем своего отца, которого он выносит на плечах, когда вокруг рушатся колонны и алтари. Именно его, любимца Юпитера, принято считать родоначальником Римской империи, а также основателем тех столпов, которые стали опорой власти над миром, – отцепочитания и отеческого авторитета. Все то, что называется государством, обрело здесь неповторимый образец и до сих пор живет по римскому установлению» [8, с. 284].

Поэтому неслучайно, что все те структурные и гендерные изменения, которые несет с собой модернизация и открыва-

ющаяся современность, воспринимаются фундаменталистами как победа греха и хаоса. Именно поэтому их усилия в первую очередь направлены на канализацию индивидуальной сексуальной морали – источника неструктурности и свобод, и восстановление тотальности родовой сексуальной морали, которая находится под властью паттерна, общности и семьи. Как справедливо заметил К. Костюк, «корень решения любой проблемы для родовой морали – не в устранении морального конфликта, а в устранении свободы. ... Если в семье авторитет отца не работает, он волен прибегать к силе» [5, с. 142].

И действительно, если мы обратимся к различным фундаменталистским проектам по восстановлению иерархического порядка мира, то увидим, что в центре католического фундаментализма стоит идея восстановления модели церкви как «высококлерикальной монархии с преобладанием мужчин» [2], мормонский фундаментализм абсолютизирует патриархат как форму общественного устройства, а патриархальную семью считает основным путем спасения [3]. Православный фундаментализм в России видит своим социально-политическим идеалом державность, на которую возлагает миссию катехона [1] и т. д.

Примечательно, что эти проекты восстановления иерархического порядка мужчин могут строиться как «сверху», так и «снизу». В авраамической традиции обоснование власти «свыше» часто связывают с мессианской эсхатологией, которая постулирует идею возможности божественного вмешательства. Например, многие из тех, кто поддерживал успешную попытку Р. Хомейни прийти к власти в феврале 1979 г., отождествляли его со скрытым Имамом шиитов, который, как ожидается, вернется как Махди, или Мессия, в конце времен. Однако тот же мессианский импульс может привести к впечатляющим результатам «снизу». Неосуществленность обещанного Царства Божия зачастую вдохновляет верующих на создание Царства Божия самостоятельно. Подобный переход от мессианской эсхатологии к церковному строительству, в котором божественное вмешательство откладывается в пользу человеческой деятельности сегодня происходит практически в каждой американской протестантской мегацеркви, где обещание о наступлении Царства Божьего за-

меняется более осязаемым проектом строительства Царства Божия здесь и сейчас. При этом успешность этого проекта в значительной степени зависит от харизмы ее лидера, который в 99 % случаев является мужчиной [4, с. 243].

Таким образом, своей гендерной повесткой современный религиозный фундаментализм актуализирует и одновременно транслирует стремление ревнителers родовой сексуальной морали к восстановлению иерархической структуры власти и иерархического порядка в обществе, размытых / ослабленных структурной модернизацией. В этом плане политические нарративы фундаментализма являются базисом его гендерной проблематики, а не надстройкой. Согласно заключению Ч. Бхатта, «одной из наиболее примечательных мистификаций, порожденных коммунитарно-культуристским дискурсом, является сокрытие политических интересов групп и партий (будь то исламисты, хиндутва или сионисты) с помощью дискурсов подлинности, моральной чистоты и жертвенности» [9, p. 113].

Выводы

Широко распространено мнение, что фундаментализм утопичен. Однако, как показывает история фундаментализма в XX в., фундаментализм сосредоточен вполне на земных делах и предлагает свое решение вполне конкретных проблем общественного устройства. В гендерном измерении религиозный фундаментализм является протестной реакцией на структурную перестройку традиционных обществ, вызванную западным неолиберализмом. Поскольку его представление о легитимном и моральном порядке связано с патриархальными структурными принципами и патерналистскими ценностями, то в центре его критики в первую очередь оказываются индивидуальная сексуальная мораль, рациональная бюрократизация и деперсонализация. В результате в своём гендерном измерении современный религиозный фундаментализм раскрывается в качестве идеологии «морального порядка» мужчин и принимает форму «неопатриархии».

Концепции и политика «морального порядка» современного фундаментализма могут казаться слишком архаичными и радикальными. Тем не менее религиозный фундаментализм преу-

спел в выявлении многих структурных проблем в современных плюралистических обществах, которые ни в коем случае нельзя считать решенными. Ведь когда персоналистический принцип благочестия заменяется деперсонализированным принципом производительности или функциональности, основы легитимности социальных отношений серьезно трансформируются, что кардинально сказывается на взаимоотношениях между полами. Поэтому те, кто мыслит фундаментализм лишь в терминах неструктурированных категорий мужского доминирования и маскулинности, не до конца понимают драматизма процессов современной трансформации межличностных отношений в социальной и экономической сфере.

Список литературы

1. Головушкин Д. А. Современный православный фундаментализм or псевдофундаментализм? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 25. – С. 92–102.
2. Головушкин Д. А. Католический фундаментализм: к дискуссии о феномене и терминоприменении // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2025. – № 117. – С. 121–138.
3. Головушкин Д. А. Мормонский фундаментализм как «другой» американизм // Религиоведение. – 2025. – № 1. – С. 86–96.
4. Казьмина О. Е. Мегацерковь в США: новая форма религиозности // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 4. – С. 238–255.
5. Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. – 2000. – № 5. – С. 133–154.
6. Тейлор Ч. Современный моральный порядок // Антиномии. – 2022. – Т. 22, Вып. 3. – С. 26–41.
7. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Гендерные тетради. – Выпуск 1. – СПб: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997. – С. 94–124.
8. Юнгер Э. Перед стеной времени. – М.: Издательство АСТ, 2024. – 320 с.
9. Bhatt Ch. The Fetish of the Margins: Religious Absolutism, Anti-racism and Postcolonial Silence // New Formations. – 2006. – Vol. 59. – P. 98–115.
10. Cowden, S., Sahgal, G. Why Fundamentalism? // Feminist Dissent. – 2017. – № 2. – P. 7–39.
11. Kepel G. The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World. – University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1994. – 215 p.
12. Lasio, D., Congiargiu, N., De Simone, S. Serri, F. Gender Fundamentalism and Heteronormativity in the Political Discussion About Lesbian and Gay Parenthood // Sexuality Research and Social Policy. – 2018. – Vol. 16 (4). – P. 501–512.
13. Laythe B., Bringle R. G., Finkel D. G., Kirkpatrick L. A. Religious Fundamentalism as a Predictor of Prejudice: A Two-Component Model // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2002. – Vol. 41(4). – P. 623–635.
14. Madigan P. Women and Fundamentalism in Islam and Catholicism: Negotiating Modernity in a Globalized World. – Bern: Peter Lang, 2011. – vii, 346 p.
15. Riesebrodt M. Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 272 p.
16. Ruthven M. Fundamentalism. The Search for Meaning. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – vi, 246 p.
17. Ruthven M. Was Weber wrong? // London Review of Books. – 1994 – Vol. 16. – P. 1–7.

18. Straton J. R. The Menace of Immorality in Church and State. – New York: George H. Doran, 1920. – 253 p.
19. Sweetman C. Introduction: Gender, Development and Fundamentalisms // *Gender & Development*. – 2017. – Vol. 25 (1). – P. 1–14.
20. Verick Sh. Female Labor Force Participation in Developing Countries // *IZA World of Labor*. – 2014. – № 87. – P. 1–10.

References

1. Golovushkin, D. (2018) Sovremennyy pravoslavnyy fundamentalizm ili psevdofundamentalizm? [Contemporary Orthodox fundamentalism or pseudo-fundamentalism?]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies]. Vol. 25. Pp. 92–102 (in Russian).
2. Golovushkin, D. (2025) Katolicheskij fundamentalizm: k diskussii o fenomene i termino-primenenii. [Catholic Fundamentalism: Towards a Discussion of the Phenomenon and the Application of Terms]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]. Vol. 117. Pp. 121–138 (in Russian).
3. Golovushkin, D. (2025) Mormonskij fundamentalizm kak «drugoj» amerikanizm [Mormon Fundamentalism as the "Other" Americanism]. *Religiovedenie* [Study of Religion]. No. 1. Pp. 86–96 (in Russian).
4. Kazmina, O. E. (2018) Megacerkov' v SSHA: novaya forma religioznosti [Megachurches in the USA: a new form of religiosity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. No. 4. Pp. 238–255. (in Russian).
5. Kostyuk, K. N. (2000) Pravoslavnyy fundamentalizm [Orthodox Fundamentalism]. *Polis* [Policy]. No. 5. Pp. 133–154. (in Russian).
6. Taylor, C. (2022) Sovremennyy moral'nyy poryadok [The Modern Moral Order]. *Antinomii* [Antinomies]. Vol. 22. No. 3. Pp. 26–41. (in Russian).
7. West, K., Zimmerman, D. (1997) Sozdanie gendera (doing gender) [Doing gender (doing gender)]. *Gendernye tetrad* [Gender notebooks]. Vol. 1. Pp. 94–124. (in Russian).
8. Junger, E. (2024) Pered stenoy vremeni [Before the Wall of Time]. Moscow: AST Publishing House. 320 p. (in Russian).
9. Bhatt, Ch. (2006) The Fetish of the Margins: Religious Absolutism, Anti-racism and Post-colonial Silence. *New Formations*. Vol. 59. Pp. 98–115.
10. Cowden, S., Sahgal, G. (2017) Why Fundamentalism? *Feminist Dissent*. No. 2. Pp. 7–39.
11. Kepel G. (1994) The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1994. 215 p.
12. Lasio, D., Congiargiu, N., De Simone, S. Serri, F. (2018) Gender Fundamentalism and Heteronormativity in the Political Discussion About Lesbian and Gay Parenthood. *Sexuality Research and Social Policy*. Vol. 16. No. 4. Pp. 501–512.
13. Laythe, B., Bringle, R. G., Finkel, D. G., Kirkpatrick, L. A. (2002) Religious Fundamentalism as a Predictor of Prejudice: A Two-Component Model. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 41. No. 4. Pp. 623–635.
14. Madigan, P. (2011) Women and Fundamentalism in Islam and Catholicism: Negotiating Modernity in a Globalized World. Bern: Peter Lang. vii, 346 p.
15. Riesebrodt, M. (1993) Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. Berkeley: University of California Press. 272 p.
16. Ruthven, M. (2004) Fundamentalism. The Search for Meaning. Oxford: Oxford University Press. vi, 246 p.
17. Ruthven, M. (1994) Was Weber wrong? *London Review of Books*. Vol. 16. Pp. 1–7.
18. Straton, J. R. (1920) The Menace of Immorality in Church and State. New York: George H. Doran. 253 p.
19. Sweetman, C. (2017) Introduction: Gender, Development and Fundamentalisms. *Gender & Development*. Vol. 25. No.1. Pp. 1–14.
20. Verick, Sh. (2014) Female Labor Force Participation in Developing Countries. *IZA World of Labor*. No. 87. Pp. 1–10.

Информация об авторе

Головушкин Дмитрий Александрович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-5705-9164, e-mail: golovushkinda@mail.ru

Information about the author

Dmitrii A. Golovushkin – Dr. Sci. (Philos.), Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5705-9164, e-mail: golovushkinda@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.05.2025
Принята к публикации: 11.07.2025
Опубликована: 25.09.2025

Received: 19 May 2025
Accepted: 11 July 2025
Published: 25 September 2025